

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.156
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.1177/10.15863/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 07 Volume: 75

Published: 24.07.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Nasiba Adxamovna Khaydarova

Andizhan State university

Teacher of the department of Russian language and literature

nasiba1701@mail.ru

Barno Mekhmanova

Andizhan State university

4th year student of the faculty of Philology Department of Russian language and literature

milady0507@mail.ru

"...ASIA HAS NOT LEFT ME": THE IMAGE OF THE EAST IN THE WORKS OF M. VOLOSHIN (based on diary entries and the poem "Desert" - 1901)

Abstract: The article considers the early work of the famous Russian poet of the XX century M. A. Voloshin, associated with his stay in Central Asia. The image of the East, which became one of the main in the author's prose and poetry, is transformed into another, no less important image of the desert. By the material of diary entries, memoirs and poem "Desert" of 1901, written in Tashkent, proved the orientation of the poet to the image of the East.

Key words: travel, wandering, image, East, symbol, myth, space, archetype, context.

Language: Russian

Citation: Khaydarova, N. A., & Mekhmanova, B. (2019). «...Asia has not left me»: the image of the East in the works of M. Voloshin (based on diary entries and the poem «Desert» - 1901). *ISJ Theoretical & Applied Science*, 07 (75), 278-283.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-07-75-45> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.07.75.45>

Classifiers: literature.

«...Азия не покинула меня»: образ востока в творчестве М. Волошина (на основе дневниковых записей и стихотворения «Пустыня» - 1901 г.)

Аннотация: В статье рассмотрено раннее творчество известного русского поэта XX века М.А.Волошина, связанное с его пребыванием в Средней Азии. Образ Востока, который стал одним из основных в прозе и поэзии автора трансформируется в иной, не менее важный образ – образ пустыни. На материале дневниковых записей, воспоминаний и стихотворения «Пустыня» (1901г.), написанного в Ташкенте, доказываем ориентированность поэта на образ Востока.

Ключевые слова: путешествие, странничество, образ, Восток, символ, миф, пространство, архетип, контекст.

«...Скитания по бесконечным равнинам Вселенной...»

В. Ян

Введение

В.Г. Янчевецкий, известный широкому кругу читателей как «В.Ян» в своей статье «Скитания и творчество» 1953 г., вспоминая о своих неоднократных и долгих пребываниях в Средней Азии, писал: «Эти скитания по свету, особенно

по Азии дали массу впечатлений, которые послужили основой, фоном моих исторических произведений. Тогда я полюбил желтые песчаные равнины, голубые дали и снежные хребты беспредельной Азии...» [12, с.397].

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.156
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Так же мог бы сказать и другой известный писатель, поэт, переводчик, критик русской литературы XX века М.А. Волошин. Творчество Максимилиана Александровича Кириенко – Волошина (1877-1932) по сей день остаётся неразгаданным. По его текстам пишутся различные статьи и докторские диссертации.

В ходе изучения и рассмотрения творчества М. Волошина, мы обратили внимание на один интересный факт из его жизни, а именно то, что автор с сентября 1900 года по 22 февраля 1901 года пребывал в ссылке в Средней Азии – Туркестанском крае. Есть точные сведения о том, что М.Волошин находился в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, более того планировал посетить Фергану и Андижан. За недолгий промежуток времени – почти 6 месяцев он успел напечатать серию статей и очерков в ташкентской газете той эпохи - «Русский Туркестан», в основе которых впечатления о путешествиях поэта по европейским странам.

Учитывая тот факт, что восток М.Волошина очень обширен в пространственно-географическом плане (Китай, Крым, Кавказ, Япония, Египет, Индия и Средняя Азия) мы привлекаем лишь одну пространственную локацию – Среднюю Азию, которую автор посетил первой в ряду всех своих путешествий и которая оставила глубокий след в душе поэта. Поездка-ссылка в Среднюю Азию – это первое путешествие М.Волошина в «восточную национальную картину мира».

Основная часть

В данном исследовании мы хотели бы обратиться частично к прозаическому тексту - дневниковым записям с привлечением стихотворения «Пустыня» 1901 г., написанного изначально в Ташкенте. Образ востока, а точнее его «пространственная локация» - Средняя Азия, анализируемая нами, начинается «входить» в активный образно-тематический «арсенал» поэта с «15 сентября 1900 г.» - именно такой пометкой датируется первая запись в дневнике. Далее мы читаем: «*Пустыня. Развалины Геок-Тепе. Длинные глиняные стены, развеваемые ветром...*» [2, с.241]. В небольшом текстовом отрывке мы видим следующие координирующие линии:

1. Пустыня; 2. Название конкретного места (Геок-Тепе); 3. Стены (основа, опора); 4. Ветер (природная первостихия). Данные линии не просто выделены нами: они в дальнейшем будут образовывать вокруг себя «дополнительные круги», т.е. дополнительные семантико-ассоциативные образы. Текст-сплав дневниковых записей (проза+лирика) проектирует дальнейшие, ключевые в мотивно-тематическом плане векторы, повторение которых (пустыня, степь,

Праземля, ветер, солнце, жара, трава, ветер и т.д.) приводит к образованию цельного образа востока с «миндалевидными глазами». Так, например, вновь обращаясь к первой дневниковой записи, мы обращаем внимание на следующий лирический отрывок:

*«...и вот я свободен - весь мир предо мной
И всюду мне вольная воля...
Я шел по долинам Тироля...
Я шел через мхи в полумраке лесном...
Я шел сквозь ущелье, где бился поток...
Я шел по сияющим снежным полям
И празелень льдов вековая
Зияла из трещин, и мертвым кольцом
Лежала пустыня нема...» [2, с.235]*

Данный черновой набросок стихотворения, над которым М.Волошин продолжил работу и в 1901 году, в формально-структурном плане построен на принципе анафоризации. Повторение первичных элементов текста неслучайно: автор нарочито подчеркивает свое дальнейшее предназначение: «Я шел...». Таким образом он намечает свою дальнейшую деятельность: странничество, конечным пунктом которого является нахождение пустыни. Обратим внимание на лингвокультурный элемент поэтического текста – «вольная воля». Только носитель славянской национальной картины мира позволит себе употребить сочетание «вольная воля», ибо оно подразумевает не просто свободу человека, но и свободу души и мысли, безграничность, тем более, находящуюся в пространстве «пустыни» или «степи». Таким образом, мы можем говорить о появлении «зародыша» одной из ключевых тем – темы «Востока» уже в дневниковых записях. Следующая запись датируется, от «12 октября. Лагерь над Сыр-Дарьей». Интересно то, что поэт неоднократно уточняет не только хронологические рамки (15 сентября или 12 октября), но и топонимические границы (Геок-Тепе или Сыр-Дарья). Это указывает на то, что для М. Волошина это важно, важно именно в художественном плане. Мы читаем: «*Странно, лежа в юрте и глядя на излучины Сыр-Дарьи, убегающей к северу, так ярко представить себе Париж. Предо мной История Европейского романа Боборыкина... Свободная и необузданная мысль Ницше весело скачет по запутанным лабиринтам, настроенным человеческим умом (или глупостью?)...*» [2, с.245]. Во фрагменте мы находим еще одно доказательство тому, что именно благодаря пространству пустыни и степи (юрта в степи у берегов Сыр-Дарьи, пространство открытого, беспрепятственного, безграничного мира) поэт находит свое истинное «Я», а точнее находит и приходит к истокам Миросозерцания, приходит к философскому истолкованию окружающей действительности, переносится мысленно из Средней Азии в Европу – в Париж.

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.156
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Именно внешняя «мертвая тишина и спокойствие» пустыни-степи, которые, кстати, особенно не разграничиваются у М. Волошина, являются стимулом для дальнейшей интерпретации реальной действительности в художественном мире и возникновению в дальнейшем целой вереницы новых образов, берущих начало в структуре образа «Востока»: столь многогранного, яркого, неповторимого. В продолжении дневниковой записи, датированной также 12 октября, мы видим следующие строки:

*«...В истории много магических слов
(Великая) Сокрытая сила в их смысле
Влияет в течение целых веков
На ход человеческой мысли...»*[2, с.254]

Под «магическим словом» мы можем увидеть силу Logosa, благодаря которой одно и то же явление по истечению веков, эпох неизменно оставалось ключевым в творчестве не одного М. Волошина: здесь речь может идти также и о творческой интерпретации одного исторического факта в творчестве разных художников, писателей, поэтов. Обращаясь лишь к нескольким дневниковым записям мы уже можем реконструировать часть образа «Восток», который переходя из одного жанра (от эпистолярного наследия до лирического текста) в другой, перерастая и обрастая новыми смыслами и значениями, превращается в категорию «концепт». Отталкиваясь от той мысли, что почти каждый писатель-художник, поэт есть «Странник Всяя Земли», мы можем смело говорить что образы и мотивы, новые темы и идеи, возникшие в ходе странствий, в аккумулятивной форме, могут воплотиться в дальнейшем уже в цельное художественно- лирическое, более того мы можем отметить и «странствующие» мотивы в Восточной лирике М.Волошина. После недолгой поездки и пребывания в Средней Азии, уже в вагоне, поэт записывает в дневнике от «1901 г. 25 мая (7июня), пт.»:

*«Снова дорога...и с силой магической
Все это вновь охватило меня...»*[2, с.268]

Это строки из стихотворения-наброска, неоконченного произведения М.Волошина. Так, «магическая сила» (как и «магические слова» в предыдущем отрывке) сокрыта именно в образе дороги. Указание на то, что поэт пишет «снова дорога» говорит о том, что она была и до этого, она есть и сейчас, она будет и в будущем.

Желание странствия и желание увидеть неизведанное именно в Пути – заставляет автора идти дорогами реального пространства, которые в дальнейшем в лирике превратятся в «пустыню» разума как идеальное место для размышления, тайник и кладезь вдохновений М.Волошина. В своей «автобиографии поэта» М. Волошин пишет: «...привезен в Москву и выслан в Среднюю Азию.

Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность Европейской культуры. Это был 1900 г. – год Китайского пробуждения. Сюда до меня дошли «Три разговора» и «Письмо о конце всемирной истории» Вл. Соловьева, здесь я прочел впервые Ницше. Но надо всем было ощущение пустыни - той широты и равновесия, которые обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину...

Но Азия не покинула меня в Париже... литературная моя деятельность, если не считать моих детских стихотворений, началась с 1900 г... а потом фельетонами в газете «Русский Туркестан» [2, с.285]. Обратим внимание на «важность» пространства Средней Азии, как решающей и переломный момент в жизни молодого человека, будущего поэта и переводчика М. Волошина. Автору, как это указано «не хватало ощущение пустыни», он понимает и видит это пространство, как «Прародину души человеческой», и то, что в его жизни не хватало именно ее: ее просторов, широты, осознания ее. Значимо и то, что именно в Средней Азии (в пустыне) он впервые знакомится с трудами великого немецкого философа - Ф.Ницше и его теорией о создании Сверхчеловека: духовно и физически прекрасного, который может во всей палитре души прочувствовать жизнь, ее проявления.

Обратимся к следующему моменту в прозаическом наследии М.Волошина, отражающего отношения автора к Средней Азии: это комментарии М. Волошина к написанным ранее (в Ташкенте) текстам, а также дневниковые наброски под названием «Лагерь над Сыр-Дарьей»: «*Наш лагерь стоит на высоком холме. На востоке серебряными излучинами убегают к северу Сыр-Дарья. Сзади невысокие синие, синие горы и бесконечная краснато-бурая степь, поросшая сухой травой и колючим бурьяном...Слышно только как стелется по траве степной ветер и чуть слышно поет сухой звонкий джюсан-степная трава. Степь, степь, степь без конца – это все что мы видели начиная с 1 октября, т.е. с нашего отъезда из Ташкента. Но сколько разных оттенков степи... Над унылой сереющей степью обожженной солнцем навис неподвижный палящий жар. На горизонте громадной ледяной стеной встают горы. Когда глядишь на них, то кажется, оттуда веет холодом. Вечер. Вся степь пламенеет под красными лучами заката. В трещинах гор легли густые сине-фиолетовые тени. Эти же тени ползут по дороге и тянутся длинными языками по огненным полянам степи. Выше на горах сине-*

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.156
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667
ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

розовые дымчатые тени, переходящие в шелковисто-белые переливы снега...» [2, с.583].

Первое, что бросается в глаза читателю – это цвето-световой спектр и игра в «светотень». Однообразие пейзажа (*степь, степь, степь...*) порождает активизацию и переключение на иное – на свет и цвет. Именно поэтому мы видим так много оттенков степи, уже не «мертвой», а «живой» и переливающейся всеми красками, которые мог только подобрать поэт. Здесь же мы можем предположить, что на живописное наследие (акварельные картины и зарисовки М.Волошина, который также был известен широкому кругу читателей, как художник-пейзажист) и его формирование могло подействовать пребывание в Средней Азии и путешествие по пустыне и степи. Повтор мотивной линии мы видим и в другом прозаическом произведении М. Волошина – это «Эпилог 19 века». По философии В.Ницше, которое оказалось близко для начинающего поэта, рубеж веков – это просто переломный момент эпохи, а главное - это конец «старого» человека и начало «нового». Для полного осознания этого учения нужно определенное местонахождение в пространственных координатах «Восток-Запад», а для М.Волошина эта философия стала одной из отправных благодаря пустыне и степи. Именно они дают поэту ту атмосферу «первозданности» и создают идеальную сферу для рождение «нового» человека. М. Волошин пишет: «*Степь... Стены мертвого города: разрушенные, развеваемые ветром, желтовато-серые – цвета степи. По узкой и крутой тропинке, между камней, можно выйти на вершину вала: степь... степь без конца. Отсюда с высоты она кажется еще ровнее, еще бесконечнее. Коричневый бурьян внизу... Синие зубчатые горы...*» [2, с.311]. Новая локализация в пространстве – это верх (вал, стена, холм, гора). Высота позволяет взглянуть на бесконечные просторы под другим углом зрения: высота дарит чувство полета и приближенность к небу, а следовательно и к бесконечности. Пустыня и степь, в их дальнейших трансформациях - это сфера творческих возможностей и потенциалов. Пустыня и степь для автора – это красочный калейдоскоп, в котором отражаются все оттенки чувств и мыслей поэта. Именно в пространстве степи и пустыни у поэта «просыпается», «возрождается» Прапамять, а наравне с ней появляются в лирике многократные повторы слов «Празелень», «Праматерь» (два стихотворения «Пустыня» и их варианты).

Кульминацией восприятия пространства пустыни в эпистолярном наследии Волошина стало письмо А.М.Петровой 12 февраля 1901 г.: «...Вы правы – пустыня мне много сказала, но далеко всё-таки не так много, как могла бы, потому что я был не один в пустыне. Моя

«пустыня» ещё впереди...» [2, с.432]. М.Волошин проецирует на себя образ дервиша, странствующего и мудрого, получившего знания благодаря пространству пустыни.

Глас пустыни и ее философия соотносимы с мировой традиционной темой в лирике – темой Поэта и Пустыни, как пространства помогающего осознать себя, потерять и найти, обрести духовный стержень. Вспомним лишь строки из «Пророка» А.С.Пушкина: *«Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я влачился...»*. Также и М. Волошин «бродил» по пустыне, ища духовной силы, вдохновения и новые образы. «Диалог» пустыни и человека – в данном случае случился, но он не реализовался в полной мере своих сил, т.к. поэт *«был не один в пустыне»*. Наличие других путников, каравана и т.д. уже предполагает «умалчивание» и сокрытие в себе тех или иных, тайных мыслей и дум. По мнению поэта успешный диалог возможен только при наличии лишь двух составляющих: природы пустыни и одного человека в ней. Ибо диалог состоявшийся «1:1» предполагает раскрытие внутренних потенций и как пространства, так и самого человека, находящегося в нем. Именно поэтому М.Волошин пишет в письме, что *«моя «пустыня» еще впереди...»* особо выделяя кавычками слово «пустыня». Это говорит о том, что поэт уже начал пересматривать категорию «пустыня» не просто как природное явление – пустынную местность: он переосмыслил и довел ее до категории философской, которую отныне он всегда будет носить с собой, отныне образ ее всегда и везде будет проскальзывать в поэтическом мире автора, явно или скрыто выраженная сквозь силу поэтического слова.

Многие исследователи творчества М.Волошина полагают, что наиболее показательную эволюцию этого образа следует рассматривать на примере двух стихотворений: «Пустыня» (1901) и «Пустыня» (1919). Мы же остановим свое внимание на первом стихотворении «Пустыня» 1901 года.

М.Волошин знает необходимость синтеза восточной духовной свободы и европейского рационализма. Именно в Париже М.Волошин создает свой первый стихотворный цикл «Годы странствий», который символично начинается стихотворением «Пустыня» (1901), где образу Парижа противопоставляется воспоминание о Востоке:

*«...Но мне мерещится порой,
Как дальних лет воспоминанье,
Пустыни вечной и немой
Ненарушимое молчанье...» [2, с.267].*

Уже с первых строк мы наблюдаем образ вечно молчаливой и грозной пустыни. Ситуация «молчания» - это и есть диалог меж двух плоскостей: человеком (Поэт) и природой

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.156
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

(Пустыня). Как это было отмечено нами выше, Silentium (молчание) Пустыни переросло в иную, опозитивированную форму общения-диалога. Вспоминая строки Ф.Тютчева «*Молчи, скрывайся и таи... пускай в душевной глубине встают и заходят оне безмолвно...*» из знаменитого стихотворения, мы можем говорить о факте возникновения такой категории как «пустыня души», как кладезя вдохновений, бездонного источника, аккумулирующего безграничное количество знаний, преобразующее их в поэтический текст.

Переход от внешнего (пустыня, как пространство) к внутреннему (пустыня души поэта) говорит о потенциальных возможностях рассмотрения одной категории «пустыня» в совершенно разных образно-художественных плоскостях. Важно и то, что в полном собрании сочинений М.Волошина, изданном в 2003 году (самое последнее и новое издание, дополненное и переизданное), в первой книге собрания, первое, что мы видим – это цикл стихотворений «Годы странствий», а первое стихотворение – это «Пустыня» (1901 г.). Географические рамки стихотворения обозначены как «Ташкент-Париж», что само по себе вызывает недоумение и интерес. Итак, приступая непосредственно к анализу первой «Пустыни», мы обращаем внимание на эпиграф и посвящение М. Волошина: «Якову Александровичу Гловову. «... И мир, как море пред зарею, И я иду по лону вод, И подо мной и надо мною трепещет звездный небосвод...»[2, с.11].

Разворачиваемая картина бытия в данном отрывке перенасыщена как в культурологическом, так и в семантическом плане: мир, появившийся из водной стихии (как и древняя Атлантида, полная таинств), похож на море (отсылка к письмам М.Волошина и воспоминаниям о Сыр-Дарье), а автор, точнее лирический герой, соотносим с образом легендарного Иисуса Христа (*И я иду по лону вод*), который, как гласят легенды, мог без затруднений ходить не только по земле, но и по воде. Мы видим использование скрытого библейского кода, выраженного посредством ввода одного из качеств образа Иисуса, который в поэтическом отрывке М.Волошина используется для передачи и уточнения местонахождение лирического героя (*и подо мной и надо мною*) – центр Вселенной, центр Мира.

Пространство воды, представленное как идеальная сфера, которая обладает и качеством «зеркального отражения» неба в воде и воды в небе, раскрывает глубину чувств, переживаемых автором. Автор специально выбирает столь зыбко-невесомую локацию лирического героя (*лоно вод*), потому что лишь в таком промежуточном состоянии, можно увидеть всю красоту описываемого в последней строке:

«...*трепещет звездный небосвод...*». «Трепет» как нельзя лучше отражает внутреннее состояние лирического «Я»: трепет – это звуки и голоса самого автора, трепет – это шум воды, прибоя, волн, трепет – это диалог или даже полилог звезд, это легкий шепот, это неуловимо-мимолетные чувства в душе. Стоит только вспомнить знаменитые отрывки из стихов М.Ю. Лермонтова «Еврейская мелодия»: «*Я видал иногда, как ночная звезда в зеркальном заливе блестит. Как трепещет в струях и серебряный прах от нее, рассыпаясь, бежит...*» [5, с.46] или знаменитое «Выхожу один я на дорогу»: «*Выхожу один я на дорогу; сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет богу. И звезда с звездою говорит...*» [5, с.96].

Лирический герой М. Волошина также отправляется в путь-дорогу, именно поэтому и цикл называется «Годы странствий» и начинается со стихотворения «Пустыня». Интересно и то, что в эпиграфе обозначено водное пространство, а в самом стихотворении пространство пустыни: и то косвенно, так как первая строка стихотворения начинается с названия холма в Париже – с Монмартра или «Горы мучеников»: «*Монмартр... Внизу ревет Париж*». Картина оживленного города Париж, со своею жизнью и своим традиционным бытом и укладом контрастирует с другой, не менее значимой в памяти поэта, картиной: «...*Но мне мерещится порой, как дальних дней воспоминанье, Пустыни вечной и немой ненарушимое молчанье*»[2, с.23].

«Задержка» вступления, т.е. описание с самого начала стихотворения не самой пустыни, а пространства Парижа – 130 метрового холма Монмартра, - замысел автора. Именно благодаря такой игре-контрасту мы далее погружаемся в описание пустыни: «*раскалена, обнажена, под небом, выцветшим от зноя, весь день без мысли и без сна в полубреду лежит она, и нет движенья, нет покоя...*»[2, с.23]. Олицетворение пустыни «налицо» - на это указывает и ее «нагота» (обнажена), психические состояние пространства пустыни (меж мысли, без сна, в полубреду), но ярче выражена ее гендерная принадлежность: пустыня – женщина и именно поэтому она «лежит обнажена».

Контекстуальное противопоставление, выраженное в форме «нет движенья, нет покоя» раскрывает внешнюю статику при внутренней динамике образа пустыни. Внешняя статичность обусловлена и обозначена автором в следующей строке стихотворения: «*Застывший зной*». Именно зной и жара, как цепи, не позволяют двигаться ей, Женщине-Пустыне, именно поэтому она в бреду, без сна, без мысли, т.к. жара сковывает все живое в свои объятия, мысль «плавится» и растекается от зноя. В контексте этих поэтических строк достаточно лишь

Impact Factor:

ISRA (India) = 3.117
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.156
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

вспомнить строки из воспоминаний и стихов А.А.Ахматовой в годы эвакуации в Ташкенте: «*В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды*» или «*полдневный термезский зной. Словно вся прапамять в сознание раскаленной лавой текла...*» [1, с.19].

Заключение

В реализации образа «Восток» М. Волошин привлекает и другой, не менее важный образ – это образ степи. Степь, в своей сущности не резко отличающейся от пустыни, может иметь следующие трактовки: 1. Пустынное и мертвое место днем, но живое и прекрасное вечером:

2. Бесконечное пространство, благодаря которому можно увидеть то, что незримо в повседневной жизни города – пространство свободы мыслей, полета, пространство для поиска и нахождения смысла жизни;

3. Степь, как полотно, на котором природа яркими красками изображает жизнь, и которую М. Волошин воспринимает не только как поэт, но и как художник (небольшому кругу читателей поэт известен и как художник, автор акварельных картин).

Архетип пустыни традиционно связан с мотивом странничества и духовного поиска. Для романтической традиции в целом и для русских поэтов-романтиков, в частности, образ пустыни — не только пейзаж, он обладает многомерностью символического пространства и соотносится с переживаниями лирического героя. Эпитеты «*вечная пустыня*», «*немая пустыня*» раскрывают глубинный смысл и философию всех среднеазиатских этносов: вечная и немая потому, что хранит в себе сакральные знания древних времен.

Восток в творчестве М. Волошина, сосредоточенный в хронологических рамках 1900 и 1901 гг. (Средняя Азия)– это лишь начало «пустыни» поэта, это лишь первый этап в странствиях поэта по новым и иным «пустыням». Автор после пребывания в Средней Азии, в дальнейшем указывает для себя, что каждое новое место, пространство и каждое новое чувство в его душе – это все пустыня, т.е. неизведанное человеком место, но которое он желает постичь. Это сакральное, священно-мифологическое место, в которое каждый хочет вернуться вновь и вновь, после долгих странствий, хотя бы в сознании, или, как это у М. Волошина – в «воспоминаниях».

References:

1. Ahmatova, A. A. (1990). *Sobranie sochineniy v dvukh tomakh*. T.1. Moscow.
2. Voloshin, M. A. (2003). *Sobranie sochineniy, tom I, E`llis Lak*, Moscow.
3. Gachev, G. D. (2003). *Mental`nosti narodov mira*. Moscow.
4. Kolshanskiy, G. V. (1990). *Ob`ektivnaya kartina mira v poznanii i yazu`ke*. Moscow.
5. Lermontov, M. Y. (1993). *Izbrannoe*. Moscow.
6. Leont`ev, A. N. (1961). *Chelovek i kul`tura*. Moscow.
7. Mukarzhovskiy, Y. (1993). *Literaturny i poe`ticheskiy analiz*. Moscow.
8. Nikolina, N. A. (2003). *Filologicheskiy analiz teksta*. Moscow.
9. Poczepnaya, D. M. (1997). *Obraz mira v slove pisatelya*. Moscow.
10. Tojnbi, A. (1991). *Postizhenie istorii*. Moscow.
11. Shpengler, O. (1991). *Zakat Evropy`*. Moscow.
12. E`pshteyn, M. (1990). *Priroda, mir, tajnik vseleynoy...* Sistema pejzazhny`kh obrazov v russkoy poe`zii. Moscow.
13. Yan, V. G. (1988). *Istoricheskie povesti*. Moscow.
14. Yan, V. G. (1989). *Sobranie sochineniy v IV tomakh*. T.1. Moscow.